

Все события и персонажи являются вымыслом.

Если вымысел не сбывается.

Любые совпадения случайны.

Если случайности существуют.

1.

#####

– Ну что, Игнат, чай будешь?

Я молча кивнул и взял в руки протянутую мне пластмассовую кружку оранжевого цвета, стенки которой изнутри покрывал черно-коричневый налет. Это от чая. Его здесь пили так много и так часто, что он впитался в пластмассу. И они, то есть уже мы, соревновались в остроумии, выкидывая шутки типа: «Зато, когда все запасы кончатся, одним кипятком можно будет залить и чифирить». Пары глотков чая такой крепости, что меня передернуло и даже начало подташнивать, вполне хватило, и я передал кружку дальше. После того как она прошла пару кругов, и от выпитого напитка бледные лица покрылись ярко красным румянцем, все закурили.

– Ну че, как? Да ты не морщись, это первую неделю так, а потом будет бодрить круче любого энергетика! Это я тебе как доктор говорю! – веселым голосом сказал молодой парень, сидевший по-турецки рядом со мной.

В голове гудело, и я чувствовал такую слабость, что мне хотелось только прилечь. В общем, бодростью это никак не назовешь.

Тюремная камера следственного изолятора представляла собой помещение примерно пять метров в длину и три в ширину, по краям вдоль обшарпанных стен были приварены четыре двухъярусные кровати, по две с каждой стороны, а между ними находился железный стол, сваренный из старых кусков металла, что образовывало узкий проход, где вдвоем было не разойтись. На входе в камеру, в прихожей, если можно так выразиться, стояла наша обувь, а весь остальной пол застилала матрацы и одеяла. Все ходили босиком. Чаепитие происходило на полу в дальнем конце камеры, где было небольшое свободное пространство – «пятак». Стол туда не доходил, и там могло уместиться несколько человек, на полу были разбросаны грязные подушки, а одеяла лежали, наверное, слоев в пять. Вот бы сейчас прилечь.

– По какой статье-то залетел? – спросил тот же веселый парень моих лет. Он был небольшого роста и, судя по лицу, имел среднеазиатские корни.

– Сто шестьдесят вторая, – сухо ответил я.

– А-а... гоп-стоп мы подошли из-за угла, – протянул он, нисколько не удивившись. – А часть какая?

– Четвертая.

– Четвертая?! – вместе с вопросом изо рта вылетели клубы дыма, которыми он не успел затянуться. Его черные глаза расширились, а я заметил на себе взгляды тех людей, кто не принимал участия в чаепитии и занимался своими делами.

– Ну ты, пацан, попал! Кого хлопнули-то? – спросил мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и, как мне почему-то показалось, с детскими голубыми глазами. – Ну, ты готовься, пацан! На условку не соскочишь, лет восемь-девять строго минимум выхватишь. Сколько годков-то, двадцать, двадцать два?

– Девятнадцать... – пробормотал я. Его слова меня нисколько не расстроили и не испугали.

Непонятное состояние. Сознание и воля находились в какой-то прострации, а я, не

испытывая никаких эмоций, соглашался со всем и делал все, что мне говорили. Странное чувство. Как будто мне показывают фильм с моим участием. Просто я еще не верил в то, что происходило со мной. Повисшую тишину нарушил звук открывающегося «робота», железной двери в камеру.

– Вновь прибывший, к адвокату собирайся! – сказал появившийся в проеме охранник с лицом, не выражающим никаких эмоций, а тем более ума. Я молча встал и начал обуваться.

#####

Меня вели по длинным, холодным коридорам, напоминающим лабиринт: десятки поворотов, спусков, подъемов, этажи, лестницы... Металлические решетки, расставленные, наверное, через каждые десять метров, были заперты, и мы останавливались возле каждой, ожидая пока она не откроется, издав характерный лязгающий щелчок. Туда-сюда, переговариваясь по рации, шныряли охранники, кого-то вели навстречу, кого-то проводили вперед. В общем, от мелькающих лиц, пятнистой формы, решеток и бетонных стен я потерял всякий ориентир и, оставь меня там одного, я бы никогда не нашел выхода из этих катакомб.

Но одного меня никто, конечно, оставлять не собирался, и спустя неопределенное время, в котором я тоже потерялся, меня посадили на неудобный стул перед сидящим за столом полным человеком в тонких очках, крутившим в руках дорогую эксклюзивную ручку.

– Добрый день! Меня зовут Алексей Александрович. Я буду представлять ваши интересы во время следствия и в ходе судебного разбирательства. Меня наняли ваши родители, – голос звучал четко и уверенно, а ручка, крутившаяся в его пальцах, не останавливалась ни на секунду. – Адвокат должен знать правду, поэтому соберитесь и расскажите, что у вас там на самом деле произошло.

Облик и поведение, как и его речь, внушали доверие и, глубоко вздохнув, я начал говорить. Я рассказал все с самого начала, стараясь вспомнить каждую мелочь и не упустить ни одной детали. Я пытался говорить бесстрастно и уверенно, но иногда голос меня подводил и предательски подрагивал. За время моего рассказа адвокат не произнес ни одного слова, он смотрел мне прямо в глаза, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Только ручка, лихо перекатываясь в его ухоженных пальцах, остановилась на середине рассказа и замерла, неуклюже повиснув.

Когда я закончил, он, неопределенно кивнув, начал собирать разложенные на столе бумаги и документы.

– Я посмотрю, что у них на вас есть. Ознакомлюсь со всеми материалами дела и выберу тактику защиты, – он встал.

– И... Что... Что вы думаете?

– Как говорится, ждать худшего, надеяться на лучшее. Будем работать.

Он ушел также быстро и незаметно как появился, мелькнули лица, и вот опять я оказался в уже знакомых катакомбах и, преодолев их, зашел в любезно открытую охранником камеру.

– О, Игнат вернулся! Давай проходи, мы как раз чифирок подварили, – встретили меня приветливые голоса сокамерников.

#####

Начались мои первые дни в тюрьме. Мы смотрели телевизор, читали книги, разговаривали, пили чай, курили и много ели. Не самый плохой график. Причем количество выпитого и съеденного зависело не от жажды и голода, а от того, что нам просто нечего было делать. Организм требовал действия. Надо было чем-то себя занять. Постепенно я начал привыкать к окружающей обстановке и людям, так что со временем позволил себе немного расслабиться.

Камера, оказывается, была не такой уж и страшной. Кровати, как и пол, были застелены разноцветными одеялами, раковина была всегда чистой. Кстати, как и подушки, которые просто доживали свой век. Туалет задергивался аккуратной шторкой, ржавый железный стол

был накрыт вполне домашней скатертью. На нем стоял телевизор, а в угол втиснулся битком набитый холодильник. В общем, уютненько. Даже то, что в камере, предназначенной на восемь человек, нас было двенадцать, и кому-то приходилось спать по очереди, а то и вообще на полу, нисколько не портило картины.

Но полностью расслабляться было нельзя – в тюрьму я попал впервые и ясно отдавал себе отчет, что все, что я знал и слышал о здешних порядках, было лишь поверхностным знанием, «верхушками», как здесь это называли. Поэтому я смотрел. Смотрел и слушал. Я наблюдал за каждым – кто, что и как делает, как ест, как пьет, как ложится спать. Я слушал все, что говорят – любой разговор, разногласия, ссоры, приколы – ничего не проходило мимо моих ушей. Конечно, нельзя сказать, что я все понимал, но запоминал каждую мелочь и делал из нее вывод. Я выбрал несколько человек постарше, которых уважали, к чьему мнению прислушивались, и сосредоточил свое внимание на них. Я старался как можно меньше о чем-то спрашивать, да и вообще говорить, вдруг это будет неуместно. Я замечал, сопоставлял и анализировал. Мой мозг работал на полную катушку.

Каждый день нас выводили на часовую прогулку в маленький дворик с высокими стенами и решеткой вместо крыши. Небо в клеточку. Во время одной из таких прогулок ко мне подошел один из уважаемых в камере людей – Вова Домик, тот самый, седой, с детскими голубыми глазами. Так часто бывает: с виду божий одуванчик, прозвище нелепое, даже смешное, а пользуется авторитетом и занимает в этом обществе высокое положение.

– Дай прикурить, малой, – сказал он, и я протянул ему смятый коробок спичек. Прикурив, он махнул головой в сторону. – Пойдем потусуемся.

Я не совсем понимал, зачем это было нужно, но мы начали ходить с ним взад-вперед от стенки до стенки, то есть тусоваться. Прогулкой это было назвать, конечно, сложно: пять-семь шагов, разворот на сто восемьдесят градусов, пять-семь шагов. Некоторые ходили по двое и что-то обсуждали, кто-то просто стоял и дышал свежим зимним воздухом, которого так не доставало в камере.

– Это сейчас всего вдоволь: сигареты на выбор, чая море, хавка любая. Раньше с этим хуже было, спичку бритвочкой на четыре части делили. Рука бы не поднялась спичку зажечь, если рядом кто-то дымит. От сигареты прикуривали. Если вообще было что прикуривать.

– Какой раз сидишь? – спросил я, затянувшись.

– Четвертый, пацан, четвертый. Сначала малолетка, потом усиленный, это при союзе еще, а последний раз с общего освобожден не так давно. И вот опять заехал. Ну, это походу уже последний – здоровьишко не то, да и срок впереди много маячит.

Снег хрустел под ногами, небо было чистым и радовало нас скудным ноябрьским солнцем.

– Тебе самому-то немало светит...

– Да там ничего серьезного, если разобраться, стечение обстоятельств.

– Ничего серьезного? Это особо тяжкая статья, вот и все обстоятельства.

– Но я несудимый, характеристику на суд положительную предоставят.

– Да положить им на твою характеристику! А то, что ты несудимый, это они исправят.

Один по делу?

– Двое.

– Двое! – усмехнулся Домик. – Двое – это группа лиц, а у вас еще и часть четвертая. Предварительный сговор сделают, даже если его и не было, что вряд ли, а могут и организованную группу нарисовать, доказывая потом, что ты не Аль Капоне!

– Да почему... Эх, – разговор начинал меня нервировать, – мне наняли хорошего адвоката, он во всем разберется.

– Ну да, ну да, – иронично ответил он, – ты главное не гони, это со всеми бывает. Все поначалу верят, что их скоро освободят.

Я ничего не ответил, со злостью швырнув бычок в угол. Что толку ему объяснять – голове седой? Всю жизнь на зоне, откуда он что знает? По таким же как он судит. Меня-то не посадят. Меня-то должны оправдать.

Засунув начинающие мерзнуть руки в карманы, я погрузился в свои мысли. Мыслей было много, но они были какие-то нечеткие, мутные. Одна, только возникнув, уже сменялась другой. В голове была каша. Я не успевал за своими мыслями.

– Шкаблили? – нарушил тишину Домик.

– А?

– Деньги на общак уделяли?

Вопрос застал меня врасплох. Сначала я хотел сказать «нет», но потом решил, что лучше молча помотать головой, вдруг я скажу что-то не то. Все это пронеслось у меня в голове за одну секунду, и в результате я ответил подергиванием головы и каким-то невнятным «ме».

– Ясно короче, – он слегка улыбнулся, – как бы там ни было, сидеть ты будешь в любом случае. Освободят тебя или нет, но до суда как-никак сидеть придется.

Я промолчал. Весь этот разговор, как и наша прогулка, меня уже достали. Ну что ему доказывать, упертый какой, думает, больше всех знает... Да и смысл... Еще и тусовка эта, ноги уже болят, уж точно бессмысленное занятие. Для чего ходить туда-обратно, когда можно просто постоять...

– Сейчас домой придем, я Руслану скажу, он тебе расскажет, где черное, где красное. Руся!

– Да, дядя Вова, – отозвался тот самый невысокий парень, который учил меня чифирить.

– Натаскаешь пацана.

Кивнув, Руслан поднялся с корточек, бросил под ноги бычок и расправил плечи.

Где-то за дверью зазвенели ключи.

– Прогулка окончена! На выход готовимся!

#####

– Мать у меня русская, отец узбек, – рассказывал о себе Руслан.

Мы сидели на «пятак», облокотившись на подушки. Обед прошел и многие, разморенные свежим воздухом и плотной едой, легли спать, а остальные смотрели телевизор, по которому тихонько пели музыкальные клипы.

– Я вообще сам из Новокузнецка, в Новосибе так, по случаю. В Кузне «морковник» угнали и катались по районам. Кого-нибудь отработаем, на эти бабки заправимся, похаваем и дальше едем.

– А спали где?

– В машине и спали. Спали, ели, телок в гости водили. Ха! Так и тархтели, пока к вам в город не заехали – приняли после первой же делюги. Короче, у нас тринадцать грабежей, это только доказанных, один угон! – с гордостью декламировал мне Руслан.

– Охренеть. Сколько же вам сроку светит?

– Много не дадут. Мы же без оружия, насилия не применяли. Так, если только маленько, – усмехнулся он, – лет пять-шесть, не больше.

Его голос был звонким, в глазах горели веселые искры, которые в самые захватывающие, на его взгляд, моменты разгорались ярким огнем. Худой, сутулый, невысокого роста, волосы коротко стрижены. Смуглая кожа в сочетании с пестрым спортивным костюмом и грязными белыми носками дополняли картину. На вид ему можно было дать лет пятнадцать.

– Ты про жизнь воровскую че-нить знаешь? С братвой общался?

– Основное-то, конечно, знаю, слышал. Много рассказывали, – уверенно ответил я.

– Рассказать могут всякое. Ты черный? – увидев мой растерянный взгляд, он продолжил, – вот видишь. А это основное и есть. Черные – это порядочные арестанты, которые придерживаются воровских понятий, традиций и живут по-людски. Людское – это воровское. У черных три масти: мужик, бродяга, вор. Кстати, это черная хата, если че, здесь одни мужики. А красные – это козлы, суки, те, кто работает на мусоров, короче вся чесотка.

Мужик тоже может там оказаться, если начудит то, что неприемлемо порядочному: в карты, например, не рассчитается или обманет ближнего, да много за что можно перекраситься. – Руслан начал тихо, но чем больше он говорил, тем ярче загорались его глаза, а голос становился более громким и решительным. – Еще есть обиженные, петухи по-другому, опущенные, пидорасы...

– Ты че разорался!? Тише будь! И не дыми в мою сторону! Черт возьми, только задремал, – прервал речь Руслана грубый басистый голос.

Тот сразу же осекся и, скорчив недовольную мину, затушил сигарету. Голос принадлежал лежащему на нижней угловой шконке. Это был абсолютно лысый, по-спортивному крупный человек лет тридцати, один из тех, кого я причислял к уважаемым и авторитетным. Он несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом, накрывшись верблюжьим одеялом, молча повернулся лицом к стене.

– Витя Большой, – голосом близким к шепоту произнес Руслан, – смотрящий за хатой. Есть еще смотрящий за этажом, за корпусом, за игрой и смотрящий за тюрьмой, положенец. Каждый порядочный должен знать их по именам.

Руся продолжил, а я откинулся на подушку, поправив под собой скомканное одеяло. Не знаю, какие процессы активизировались в моей голове, видимо те, которые не задействованы в обычном состоянии, а включаются только в экстремальных ситуациях. Голова была ясная, и я запоминал все, каждое слово. Слова выстраивались в логические цепочки, которые, скрываясь друг с другом, образовывали передо мной четкую картину. Однако некоторых звеньев не доставало.

– А кто такие бродяги? Как понять, смотрящий за игрой? Красные что, отдельно сидят?

– Есть красные хаты, они там и сидят. О, смотри Виа Гра! Новый клип!

Я посмотрел на экран. Темное небо, острые скалы, красивые женские тела в облегающих прозрачных платьях. Опять новая солистка. Светленькую заменили. Старая и двух месяцев не продержалась, в одном клипе всего снялась... Блин, откуда я это знаю.

– Руся, а ты чем до всего этого на свободе занимался? Учился, работал?

– Мать запила, как отца посадили, – не отрываясь от экрана, сказал он, – в школу ходить я перестал, так... подрабатывал, где придется.

– Что делал-то?

– Дьячком в церкви служил.

#####

Как быстро человек привыкает к новой обстановке и незнакомым ему обстоятельствам? Наверное, все зависит от личностных качеств человека и от того, насколько незнакомы ему эти обстоятельства, насколько нова эта самая обстановка.

Две недели пролетели как один день. Я уже понимал, о чем говорят друг с другом мои сокамерники, начал понимать местный специфический юмор и после очередной пошло-черной шутки делал вид, что мне тоже смешно. От чая меня больше не тошнило, выручали конфеты, которых здесь было вдоволь – сахар перебивал вкус горечи. Начал курить крепкие сигареты. Легкие здесь никто не курил, и когда мои заканчивались, приходилось угощаться такими. Горло давило, я кашлял, но отказаться от этой привычки не мог. Да и не хотел.

За эти дни успел более-менее приспособиться к окружающим, запомнил все имена, прозвища и погоняла, кто за что сидит, и кто чем занимался там, на свободе. Контингент здесь был разный: таджики-наркоторговцы, которые в один голос кричали: «Мы не барыги, нам подкинули!», простые мужики, по пьяни, случайно или нет, убившие кого-то, ребята немного моложе меня, грабившие ради дозы героина или куража, как Руся. Был и настоящий криминальный элемент, закоренелые преступники: бандиты, крадуны – точно определить их расположение в воровской иерархии я еще не мог. Таких, по моим наблюдениям, в камере было двое: Вова Домик и Витя Большой. Если с первым мы быстро нашли общий язык, и я

даже пробовал шутить, то с Большим мне познакомиться не удавалось. Не сказать, что он избегал моего общения, или я боялся подойти к нему, но вот как-то не складывалось – то ситуация не позволяла, то настроение не располагало.

Родители привезли мне передачу, большой тридцатикилограммовый мешок. В нем было все: новое постельное белье, мягкие полотенца, необходимая одежда, зубная щетка, паста, кружка, чашка, ложка, разные консервы, колбасы, сыры, сладости и самое главное – сигареты и чай. Мы сразу накрыли на стол. Заварили литровую кружку чая, в глубокую тарелку насыпали слоеное печенье, конфеты и мягкие земляничные пряники. Когда чай заварился, мы встали вокруг стола и начали разливать его по кружкам.

– Дай Бог здоровья родным и близким, спасибо, что нас не забывают! – сказал Домик и, сделав глоток чая, потянулся за пряником. Лишь после этого все накинулись на сладости: не успевая прожевывать, набивали рот печеньем, другой рукой пытаюсь развернуть конфету. Я старался не отставать, а когда тарелка опустела, и весь чай был выпит, мы закурили.

– Легкие что ли? – воскликнул Руся и оторвал половину фильтра.

Я чиркнул спичкой и прикурил. Как будто затянулся воздухом, дыма я не ощутил. Уже привык, так быстро. Я мысленно усмехнулся и начал отрывать фильтр.

#####

Можно ли убежать от прошлого? Забыть все и начать жизнь с чистого листа? Очень сомневаюсь. Прошлое терпеливо. В самые неожиданные моменты оно будет пронзать твою память острыми воспоминаниями, а на чистом листе твоей, как ты думаешь, новой жизни будут появляться грязные кляксы, которые ты ничем не сможешь смыть.

Дни пролетали незаметно. Кого-то возили на следственные действия, кто-то уже начал судиться и после недолгого отсутствия привозил с собой либо кучу радостных эмоций и большие надежды, либо сдержанное отчаяние и смиренный потухший взгляд. Девять с половиной лет строгого режима получил Алиджон – таджик с кривым подбородком, впалыми щеками и всегда невымытыми волосами. Он громко ругался на смеси таджикского и русского со своим земляком, а то и с самим собой. Судя по обрывкам фраз, которые я смог понять, он винил во всем своего подельника, который наговорил на суде много лишнего. В тот день, когда его заказали на лагерь, и он в ожидании сидел на клетчатой китайской сумке, куря одну за одной, «робот» разморозился и в камеру завели новенького. Это был среднего роста темноволосый человек неопределенного возраста с глубоким взглядом. На вид ему можно было дать как тридцать, так и сорок с небольшим.

– Здорово были.

– Здорово, здорово, – отвечала на приветствие камера.

– Хата черная?

– Черная. А ты...

– Славка Рубль, мужик по жизни, – представился он и присел на предложенную ему шконку. – Кто за общим ходом в ответе?

– Я, – ответил смотрящий, и они пожали друг другу руки, – Витя Большой.

Знакомство продолжилось в легкой беседе. Рублю оказывается было уже сорок девять, он не первый раз попал за решетку и со многими у него нашлось немало общих знакомых по предыдущим срокам, лагерям и пересылкам. Руся в это время писал «курсовку» – бумагу, содержащую все данные арестанта: фамилию, имя, погоняло, дату рождения, откуда родом, предыдущие ходки... По тюремной традиции ее потом будут передавать из камеры в камеру.

– Хорошо у вас, – сказал Рубль, оглядывая камеру. – Прошлый раз я заехал, там на шесть шконок тридцать человек было, пернуть некуда, а сейчас нормально, всего тут... О! Костыль! Васек, и ты здесь?...

Проследив за его взглядом, я увидел, что он обращается к Васе Белому, который жил на нижней угловой шконке напротив смотрящего. Только вот почему Костыль? Все звали его Белым. Хоть он и был тихим и неразговорчивым, Руся рассказывал, что это его третья или

четвертая ходка, и уважением он пользовался немалым.

На наших лицах застыло удивленное выражение, мы переводили взгляд с одного на другого, ожидая, что будет дальше. Вася молчал, опустив глаза, а сигарета в его руке тихонько подрагивала. Он сразу стал каким-то потерянным.

– Ты чего, не узнал меня? – продолжил Рубль. – Две тысячи третий год, мы с тобой в одном отряде были на четверке...

– Погоди, Славян, тут разобраться надо, – вмешался Большой. – Почему ты называешь его Костыль? У него Белый погоняло, да ведь Вася?

Но он ничего не ответил. Зажатая в руке сигарета медленно тлела, и пепел падал на одеяло.

– Та-ак... Кажется, я начинаю понимать, в чем тут дело. На четверке в одном отряде, говоришь, были, Костыль его погоняло?

– Да, – коротко ответил Рубль.

– А нам почему сказал, что Белый? – Большой перевел взгляд на Васю. – Давай, короче, не темни. Говори, как есть. Тебе же лучше будет. Ты ведь знаешь, правду узнать не проблема, стоит только по тюрьме шумануть. Ну?

Вася вздрогнул и резко отдернул руку – это сигарета, истлев до фильтра, начала обжигать ему пальцы. Бросив ее в пепельницу, он глубоко вздохнул и начал ровным спокойным голосом, так и не подняв глаз:

– Прошлым сроком я был на четверке, сидел всю дорогу ровно, без косяков. И тут... Ты Славян не знаешь, ты на тот момент уже освободился, остается мне неделя до звонка, и че на меня вдруг нашло, сам не знаю, весь срок не играл, а тут смотрю – катран сидит играет на конец месяца... Ну, я и присел. Пять тыщ проиграл, взял у них адрес, говорю, как выйду, сразу бабки завезу. Освободился, домой приехал, тут мать старая... Ну, где мне деньги взять? У нее с пенсии что ли?...

– Играть тебя никто не заставлял.

В камере повисла гробовая тишина, все смотрели на Васю, который дрожащими руками пытался вытащить из пачки очередную сигарету.

– Неужели ты думал, что никогда больше не сядешь? Да была бы сумма побольше, тебя бы и на свободе нашли, – железным голосом нарушил молчание Домик, в голубых глазах которого от прежней наивности не осталось и следа. – А сейчас ты себе новое погоняло придумал и решил весь срок просухариться?

– Не стал бы врать, сказал бы правду изначально – жил бы в общей массе. Пусть проигранным, на равных с мужиками не базарил бы, но зато не в чесотке, – сказал Большой и поднялся со шконки. – Встань. С тебя будет получено.

Костыль побледнел и, выронив пачку, медленно встал напротив смотрящего.

– О, смотри, в натуре белым стал. С тебя будет получено за обман людей. Ты фуфломет, – Большой ударил его сбоку по щеке несильно, так, что раздался легкий шлепок, но этого хватило, чтобы ноги у Костыля подкосились, и он завалился набок. – А теперь ломись.

Дважды повторять не пришлось. Костыль подскочил и бегом рванул к выходу, на ходу сбив сидящего на сумке Алиджона. Тот хлопал вытаращенными глазами и, казалось, вообще не понимал, что происходит. Костыль тем временем уже колотил в «робот», крича:

– Командир, вывод!

Через минуту дверь открылась и охранник, пропустив выбегающего Костыля, с суровым лицом оглядел камеру. Мы сидели молча и спокойно смотрели на него. Надменно хмыкнув, он защелкнул замок.

Славка Рубль лег на освободившееся место, а Руся, по просьбе Большого, стал писать «курсовку», в которой была вся всплывшая сегодня правда. Эмоции улеглись, чай потек рекой, дым вновь стоял столбом – в общем, все пошло своим чередом. Старые арестанты обсуждали былое, оставшийся без земляка таджик скучал, ковыряясь ложкой в тарелке, а Руслан показывал мне, как правильно составлять воровские бумаги, и продолжал посвящать

меня в воровскую жизнь.

Вечером я уставший, с квадратной от информации головой, лежал на «пятак», откинувшись на подушку, и смотрел телевизор, по которому показывали музыкальные клипы. И тут меня как будто оглушило. Я услышал знакомые до боли аккорды и голос, поднимающий с глубин души закрытые на замок чувства. По телевизору звучала та песня: «Я помню белые обои, черную посуду...». От нахлынувших воспоминаний закружилась голова, и внутри все сжалось.

#####

Когда с утра, открыв глаза, ты не можешь проснуться, вялость связывает все тело, то понимаешь – ты не захочешь, да и не сможешь сделать ничего, абсолютно ни-че-го, пока не чифирнешь. Пока горячий, вязкий чай такой крепости, что сводит зубы, не дойдет до твоего желудка и не разольется энергией по всему телу. После этого можно спокойно выкурить сигарету и пойти умываться. Как хорошо, оказывается, может быть после двух-трех глотков горячего крепкого чая!

С живым азартом я познавал тюремные традиции. Все было ново, необычно, как будто я попал в другой мир: незнакомые люди, незнакомые ситуации, порядки, правила. Я вполне осознавал всю серьезность происходящего, но относился к этому, скорее, как к интересному приключению, ведь знал, что меня скоро освободят.

Рубль оказался очень веселым и душевным человеком. Он не мог усидеть на одном месте – то рассказывал кому-то старые тюремные байки и громко хохотал, то искал партнера для игры в нарды, сетуя, что хата неигровая и покатасть ему не с кем. В общем, в нашей маленькой камере его было чересчур много. И это в сорок девять лет.

– Игнат, давай с тобой в нардишки сыграем, умеешь?

– Нет. Ну так, играл пару раз на свободе, правда, не помню ничего.

– Там все просто, садись научу! – Рубль хлопнул в ладоши и в предвкушении потер руки.

Игра действительно оказалась несложной, и уже после трех партий я запомнил все правила. Конечно, с Рублем мне тягаться было рано, но кое-что я уже соображал и мог ориентироваться на доске. Игра дарила азарт, новые эмоции, но что самое главное – помогала убить время. Я мог часами кидать кубики и забывал о насущных проблемах. Рубль был из той породы людей, которые располагают к себе. С ним хотелось общаться, а любая, даже несмешная, произнесенная им шутка, заставляла хохотать даже самого серьезного собеседника. Позитивная энергия была ключом как у молодого.

– Неплохо, неплохо, – почесав голову, сказал он, – твоя партия, мне здесь уже не успеть. Быстро учишься.

– А то, – сказал я и лихо кинул закрученные кубики, которые, прокатившись по доске, остановились на цифре пять. – Пятый куш. Победа.

– Молодец. Сможешь, если захочешь. Но я бы на твоём месте не хотел. Игра до добра не доведет.

– Да ладно. А что такого? Сидим, играем, время летит, – я уже расставлял фишки для новой партии.

– Это сейчас мы сидим с тобой и играем без интереса, а пройдет время и тебе начнет казаться, что ты уже научился. Что ты на что-то способен. И вот тогда кто-нибудь, увидев твой тупой гордый взгляд и эти дешевые понты с крученными зарами, предложит тебе сыграть с ним на сигаретку. Всего-навсего на одну сигаретку. Отказать этому, как тебе покажется, лоху ты не сможешь – гордость не позволит, да и как – пацаны ведь не поймут. Ты согласишься и когда, выиграв пару сигарет, будешь чувствовать себя каталой всесоюзного масштаба, этот лох вдруг начнет побеждать и обыграет тебя за все сырое и вареное. А может он и сразу начнет тебя глушить – по ситуации. Вот и все. Да есть сотни вариантов и схем развода, это самый простой. Психологи тут поматерей университетских. Игнат, держись от

всего этого подальше, пока не подрастешь и не поумнеешь. А на меня не смотри, я здесь вырос, это мой хлеб. Подай спички.

Рубль прикурил и долго смотрел мне в глаза. Отвести взгляд почему-то было сложно, и я смотрел как медленно тает сигарета, заволакивая дымом его и без того глубокий туманный взор. Наконец он сказал:

– Но запомни одно, что-то мне подсказывает, что ты все равно запилишь туда свой пятак, карточный долг – дело чести для порядочного арестанта. Это то же самое, что дать слово. Порядочный делает то, что он обещал или говорил, неважно. Для мужика говорить и обещать – это одно и то же. Пацан сказал – пацан сделал. Иначе в чем его порядочность? Тогда он уже балабол, а в случае с картами – фуфломет. Поэтому, если ты проиграл – будь добр рассчитаться. И рассчитаться вовремя, не позднее того числа, какое вы оговорили, ни минутой позже. И лишь после того, как тебе пожмут руку и скажут «в расчете», можешь спать спокойно.

В висках пульсировали вены. Я был внимателен и напряжен, запоминал каждое слово, вникал в каждую букву. Я делал это с полной самоотдачей, так что забыть, перепутать и усомниться в этом было уже невозможно.

– Да ты не грузись. Главное – делай все с умом, не теряй голову. Пацан ты неглупый, все у тебя будет ровно, – Рубль улыбнулся и пододвинул мне кубики, – ходи. Предыдущую партию выиграл ты, тебе и начинать. А знаешь на что мы на малолетке играли?

– Даже не представляю.

– Нос – кольцо – поджог. Знаешь, как это? Проигравший отрывает длинный, узкий кусочек бумажки, потом один конец загибает буквой «Г», другой слюнявит и приклеивает себе на нос. Играем дальше. Когда он проигрывает во второй раз, он отрывает еще один кусок бумаги, слюнявит оба конца, склеивает их так, чтобы получилось кольцо и одевает его на свой приклеенный нос. И вот финал – он проигрывает в третий раз, берет спички и поджигает всю эту херню! Прикинь! – он громко рассмеялся. – Сколько ресниц и бровей я себе спалил! Ох... ты бы это видел...

В тот вечер он рассказал еще не одну историю, закрепляя каждую заразительным хохотом. Я смеялся до слез и так, за игрой и общением, не заметил, как наступила ночь. В камере все было также, каждый занимался своими делами, то есть не занимались ничем, только Руся как-то странно на нас поглядывал. Или мне показалось?

#####

Да что там ночь, я не заметил, как прошел месяц. Я бы и не обратил на это внимание, если бы не мой день рождения. В этот день я получил очередную передачу, в которой было много всего вкусного, неизменные сигареты и чай, теплые вещи и небольшая поздравительная открытка. Мама и папа желали мне здоровья, терпения. Писали, что они всегда со мной и верят, что я справлюсь.

Аккуратно нарезав бисквитный рулет, я разложил по тарелкам вафли, печенье, шоколадные конфеты и заварил литряк чая. Вообще, для меня были в новинку подобные церемонии, но душа хотела праздника, поэтому я смел все крошки со стола и насколько это было возможно оттер желтую скатерть. Сладости лежали друг от друга отдельно – каждые по своим тарелкам, которые я красиво расставил по углам стола.

– Мужики, у меня сегодня день рождения, давайте чаю попьем.

– О-о-о! Поздравляю! Че правда седня?... Игнат, с днем рождения! – все начали подтягиваться к столу, каждый пожимал мне руку или хлопал по плечу.

Я благодарил всех за поздравления, и после пожелания здоровья, форта, скорейшего освобождения, жены с золотыми зубами и прочих арестантских радостей мы приступили к чаепитию.

– Бе... А че крепкий-то такой? – скривившись, спросил Большой.

– Да нормальный, – отхлебнув, ответил я.

– Ха, да ты походу подсел уже на него, – жуя кусок рулета, покачал головой Домик.
 – Все нормально, чего пристали к пацану? Вот сейчас зубы почернеют, кожа пожелтеет и станет настоящим чиферастом! – подхватил Рубль, и вся хата дружно расхохоталась.

Увидев мое замешательство, он сказал:

– Да не гони ты, прикалываемся же. Я вот еще с малолетки чифераст!

Новый взрыв смеха, еще громче предыдущего, раскатился по камере, и я уже смеялся вместе с ними.

– Сколько исполнилось?

– Двадцать.

– Серьезный возраст, третий десяток пошел. Самая жизнь начинается, золотые годы, – Домик уже сидел у себя на шконке, которая находилась прямо возле стола, и держался за правый бок.

Я хотел что-то сказать, но меня оборвал громкий железный стук. Это охранник долбил по ней ключом и после понятного ему одному ритма, прокричал сквозь дверь:

– На прогулку идем?!

– Да, да, старшой! Идем, идем, – все начали быстро одеваться и шнуровать ботинки.

– Идите, я не пойду, – сказал Домик и лег под одеяло, повернувшись лицом к стене.

Путь до прогулочного дворика пролегал через уже знакомые мне коридоры-катакомбы. Охранники или дубаки, как их здесь называли, стояли на каждом повороте и каждой лестнице. Попадались среди них и женщины – дубачки, соответственно, каждую из которых я провожал долгим, пристальным взглядом. Еще бы! Целый месяц с одними мужиками! В страшном сне не представишь.

Стоявшая на углу дубачка ничем особо не отличалась от предыдущих: военный защитный камуфляж, бесстрастный взгляд, длинные, собранные на затылке светлые волосы, походу обесцвеченные, блестящая заколка в форме ящерицы... Что?... Не может... Так, стоп! Не может быть! Глазам не верю... Это же Юля! Что она тут делает? Как это вообще... Мы на секунду встретились с ней взглядом, но нас быстро провели вперед. Может, я просто ошибся, может, это не она. Да нет, я еще не настолько отстал от жизни, чтобы забывать знакомые лица! Интересно, а узнала ли она меня...

Нас уже завели в прогулочный бокс, а я все не мог справиться со своими мыслями. Я тусовался вдоль стенки, игнорируя все попытки со мной заговорить.

– Погнал, наверное... День рождения в тюрьме не праздник... Да еще и первый... Двадцатилетие в тюрьме, да... – доносилось откуда-то. Все было как в тумане и голоса звучали эхом где-то вдалеке.

Звук открывающегося замка вернул меня к реальности. Дверь открыл дубак, и из глубины коридора я услышал ее голос. Она звала меня. Я шагнул за дверь. Она стояла там и смотрела на меня. Охранник тем временем закрыл дверь, отдал ключи Юле и ушел, оставив нас одних. Ее лицо было серьезным и сдержанным.

– Давно ты здесь?

– Уже месяц.

Снег валил крупными хлопьями, он падал ровно и медленно. Казалось, стояла абсолютная тишина.

– И за что?

– Да там... Степу помнишь? Он тоже здесь... А ты-то как сюда попала? Давно работаешь?

– Уже год почти.

– Ого. Я и не знал.

Она вздохнула и отвела глаза. Мне вдруг захотелось ее обнять, прижать к себе. Но я не знал, можно ли? Вдруг это как-то ей навредит, вдруг ее за это уволят. Да и вообще... Я не могу. Мы сейчас не в том положении. Я сижу, она меня охраняет. Как быстро меняется восприятие. Она как будто из другого мира. Нас уже разделяла невидимая стена.

– Мне пора. Долго нельзя.